

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800025506-2

О типах “малых” ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы

© 2023 г. И. В. Макаrchук

Старший преподаватель Школы лингвистики,
стажер-исследователь Международной лаборатории языковой конвергенции
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
“Высшая школа экономики”,
Россия, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 1
ilya.makarchuk@gmail.com

Резюме. В статье рассматриваются два типа глагольных дериваций со значением малой степени ситуации, которые мы назвали дисконтинуативами и глагольными диминутивами. Мы показываем, что данные два типа имеют разную диахроническую историю: первый происходит из глагольной множественности, а второй из именных диминутивов. Мы рассматриваем аспектуальные характеристики этих дериваций и показываем различия в сочетаемости, объясняемые их разным происхождением.

Благодарность. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Ключевые слова: дисконтинуатив, диминутив, аттенуатив, акциональность, аспектуальные деривации.

Для цитирования: Макаrchук И.В. О типах “малых” ситуаций: дисконтинуативы и глагольные диминутивы // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 2. С. 92–103. DOI: 10.31857/S160578800025506-2

A Typology of “Small” Evenutalities: Discontinuatives and Verbal Diminutives

© 2023 Ilya V. Makarchuk

Senior Lecturer of the School of Linguistics,
Research Assistant at the Linguistic Convergence Laboratory
of the Faculty of Humanities,
HSE University,
21/4 Bld. 1 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russia
ilya.makarchuk@gmail.com

Abstract. This article looks at two types of verbal derivations with a meaning of a lesser situation, which we have named discontinuatives and verbal diminutives. We show that these two types are of different diachronic origin: the former comes from verbal pluractionality, and the latter comes from nominal diminutives. We describe aspectual properties of the derivations and show how differences in distribution can be explained by the origin of the derivations.

Acknowledgements. This article is an output of the research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

Key words: discontinuative, diminutive, attenuative, Aktionsart, lexical aspect.

For citation: Makarchuk, I.V. *O tipah "malyh" situacij: diskontinuativy i glagol'nye diminutivy* [A Typology of "Small" Evenutalities: Discontinuatives and Verbal Diminutives]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 2, pp. 92–103. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800025506-2

1. Введение

В языках мира встречаются различные деривации со значением ослабленной ситуации, как в примерах ниже:

(1) *Zan kontan sant-sant sega.*
Жан нравиться.SF петть-петть.SF сега
'Жану нравится **напевать** песни сега'. (маврикийский креол; [1])

(2) *Est-ce qu'il neige toujours? (...) il neigeote, chère madame!*
(...) Quelques vagues flocons dans l'air!

'Снег до сих пор идет? <...> **Снег еле идет**, мадам! <...>
Несколько снежиночек будет и все!' (французский; [2])

На первый взгляд, кажется, что эти показатели устроены одинаковым образом. Однако, как мы покажем, они различаются своим аспектуальным поведением. Такие показатели, как в (1), мы назвали **дисконтинуативами**, а такие, как в (2), — **глагольными диминутивами**. Отметим, что это условные ярлыки. Как мы покажем, показатели первого типа развивают аттенуативные значения за рамками собственно дисконтинуативных — т.е. прерывистой множественной ситуации. Однако мы решили все же использовать ярлык "дисконтинуатив", так как считаем, что ядерное, исходное значение — это значение дисконтинуатива.

В настоящей работе мы рассмотрим отдельные примеры обоих типов показателей в языках мира, обсудим семантические механизмы, стоящие за ними, и сравним их друг с другом. Наш обзор ставит собой целью не перечислить все языки, где есть деривации рассматриваемых типов, а более подробно разобрать яркие примеры исследуемых нами типов, чтобы сравнить их более содержательно и глубоко, чем могла бы позволить более экстенсивная, но поверхностная типология. Если читателя интересует подобный широкий обзор, то мы можем его отослать, например, к [3] и [4].

Эта работа будет устроена следующим образом. После введения в разделе 1 в разделе 2 мы обсудим семантику дисконтинуативов и предложим их анализ. Раздел 3 будет посвящен глагольным диминутивам, где мы также рассмотрим их семантику и происхождение. В разделе 4 мы подведем итоги.

2. Дисконтинуативы

2.1. Редупликация в языках мира

Во многих языках редупликация используется для обозначения глагольной множественности (см., например, [5]), как, например, в языке чви (3) и в суданском языке (4):

(3) *tëtëtëm* 'плакать постоянно' < *tëm* 'поплакать' [6, с. 64] цит. по [5]

(4) *gogodag* 'всё качать и качать головой' < *godag* 'качать головой' [7, с. 354] цит. по [5]

В карибских креолах также продуктивна полная редупликация слова для обозначения глагольной множественности: итератива (5), аугментатива (6) и дистрибутива (7) (примеры из ямайского креола по [8]):

(5) *tiff* 'украсть' > *tiff-tiff* 'красть несколько раз, постоянно'

(6) *fried* 'испуган' > *fried-fried* 'очень испуган'

(7) *trash* 'мусор' > *trash-trash* 'много мусора, несколько кусков мусора'

Парадоксальным образом редупликация в этих языках также может иметь обратное значение ослабленной ситуации, или аттенуатива [8]:

(8) *lepi* 'зрелый, быть зрелым' > *lepi-lepi* 'недозрелый, незреть' [ндюка]

(9) *lon* 'бежать' > *lon-lon* 'делать вид, что бегаешь' [ндюка]

(10) *ferfi* 'красить' > *ferfi-ferfi* 'подкрасить чуть-чуть' [сранан]

Такое же употребление редупликации встречается в малайско-полинезийских языках (выборка из 30 языков в [9]). Ниже приведены примеры из амбримского языка, где редупликация выражает как итеративное (11) и аугментативное (12), так и аттенуативное (13) значение.

(11) *mün* 'пить' > *mün-mün* 'продолжать пить, всё пить и пить'

(12) *nor* 'думать' > *nor-nor* 'обдумывать, продумывать'

(13) *man* 'смеяться' > *man-man* 'улыбаться'

2.2. Редупликация в маврикийском креоле

Показателен пример редупликации в маврикийском креоле [1]; [10]. Глагол в маврикийском креоле различает две формы: Краткую¹ и Полную — как, например, *sant* и *sante* ‘петь’ (гlossируются SF и LF соответственно). Краткая форма используется в контекстах с дополнением (14). Полная форма же используется в контекстах, где у глагола нет зависимого дополнения (15), и некоторых других контекстах. По всей видимости, Краткая форма глагола имеет дистрибуцию глагола, а Полная форма — дистрибуции целой глагольной группы.

- (14) *Mo ti manz/*manze kari.*
1SG PST есть.SF/LF карри
‘Я съел карри’.
- (15) *Mo ti manze/*manz.*
1SG PST есть.LF/SF
‘Я поел’.

В маврикийском глаголе существует два типа редупликации глагола: на синтаксическом уровне и морфологическом уровне [1]. Синтаксическая редупликация имеет значение итератива и аугментатива, поэтому дальше мы ее будем называть также Итеративной редупликацией. Как видно из (16), обе сочетающиеся глагольные формы — Полные формы. Более того, эти повторяющиеся формы можно разделить союзом *ek* ‘и’ (17). По всей видимости, такая редупликация представляет собой сочинение двух глагольных групп.

- (16) *Zan kontan sante sante.*
Жан любить.SF петь.LF петь.LF
‘Жан любит по-настоящему петь’.
- (17) *Li sante (ek) sante (ek) sante.*
3SG петь.LF (и) петь.LF (и) петь.LF
‘Он всё поет и поет’.

Морфологическая редупликация, наоборот, имеет значение аттенуатива. В Аттенуативной редупликации первая основа усеченная и соответствует Краткой форме, а вторая основа — это Краткая форма или Полная форма, и выбор основы происходит по тем же правилам, что и у любого другого маврикийского глагола (18)–(19). Более того, глагол, образованный с помощью Аттенуативной редупликации, может быть далее подвергнут синтаксической редупликации (20).

- (18) *Zan kontan sant-sante.*
Жан нравиться.SF петь-петь.LF
‘Жану нравится напевать (разные мелодии)’.

¹ Здесь и далее мы следуем общей конвенции писать конкретные языковые категории с большой буквы (например, *русский Генетив*), а категории, которые применимы ко всем языкам, с маленькой (например, *показатели генетива в языках мира*).

- (19) *Zan kontan sant-sant sega.*
Жан нравиться.SF петь-петь.SF сега
‘Жану нравится напевать песни сега’.
- (20) *Mari pas so letan*
Мари проводить.SF 3SG.POSS время
manz-manze manz-manze mem.
есть-есть.LF есть-есть.LF только
Букв.: ‘Мари тратит время только на то, чтобы перекусывать’.

В зависимости от акционального класса исходной основы Аттенуативная редупликация в маврикийском креоле имеет разную интерпретацию.

Непредельные процессы и близкие к ним состояния стадийального уровня (статические явления по [11]: состояния, ситуации, положения и местонахождения) с Аттенуативной редупликацией имеют значение собственно дисконтинуатива — прерывистой ситуации:

- (21) *Zan ronf-ronfle lor sez.*
Жан храпеть.SF-храпеть.LF на стул
‘Жан сидит на стуле и храпит время от времени’.
- (22) *Mo'-nn dormi-dormi*
1SG-PERF спать-спать.LF
‘Я спал от случая к случаю, sporadически’.

Аттенуативные дериваты от глаголов с инкрементальной темой (также называемой накопителем эффекта [12]) обозначают ситуацию, совершившуюся частично:

- (23) *Zan inn ranz-ranz*
Жан PERF строить-строить.SF
so lakaz.
3SG.POSS дом
‘Жан частично построил свой дом’.

События — т.е. ситуации, представляющие собой мгновенный переход из одного состояния в другое, — при Аттенуативной редупликации имеют интерпретацию раритива — ситуации, случающейся изредка:

- (24) *Ariv-ariv aksidan*
случиться-случиться.SF несчастный_случай
par isi
через здесь
‘Несчастные случаи происходят тут время от времени’.

Аттенуативные дериваты от состояний индивидуального уровня (вневременные положения вещей по [11]: качества и свойства) обозначают малую степень выраженности состояния. Как пишут Ф. Анри и Г. Винтерштейн, такое употребление возможно только в определенных контекстах: при прогрессиве *pe*, наречиях меры и степени типа *inpe* ‘немного’ или модификаторах времени типа *depi* ‘с тех пор как’.

- (25) *Avan mo bien*
 перед 1SG.POSS хорошо
dekouver so zwe
 узнать.SF 3SG.POSS игра
mo ti pe krwar-krwar li.
 1SG PST PROG верить-верить.SF 3SG
 ‘До того как я узнал его по-настоящему, я **не сильно верил** ему’.
- (26) *Mari konn-kone inpe.*
 Мари знать-знать.LF немного.
 ‘Мари **немного знает** [что-то]’.

Аттенуативная редупликация в маврикийском креоле употребляется и с градуируемыми прилагательными:

- (27) *Latab la mouye-mouye.*
 стол DEF мокрый-мокрым
 ‘Этот стол **немного мокрый**’.

В [1] представляется, что семантика показателя заключается в том, что на шкале прилагательного степень выраженности свойства ниже, чем стандарт или нормальный уровень. Авторы намекают, что подобную семантику можно распространить на глагольные употребления Аттенуативной редупликации, однако подробно не разрабатывают эту идею.

Как нам видится, морфологическая Аттенуативная редупликация представляет собой дальнейшее развитие и грамматикализацию синтаксической Итеративной редупликации. Как мы покажем в примерах ниже, подобное развитие глагольной множественности в значение аттенуатива встречается не только в маврикийском креоле.

2.3. Чувашский Дисконтинуатив

В чувашском языке есть похожий показатель *-kala* [13]. Он имеет значение прерывистой ситуации и не может употребляться для обычной множественной ситуации (28) (примеры здесь и далее из [13]):

- (28) *vaša uj-a suxala-kala-r-ě*
 В. поле-DA пахать-KALA-PFV-3:SG
 1. *‘Вася пахал одно поле за другим’.
 2. *‘Вася несколько раз пропахал всё поле’.
 3. OK ‘Вася **пахал** (одно и то же) поле **с перерывами**’.

Эта же деривация может иметь другие смежные значения: ситуации, ограниченной по длительности (29), ситуации с малой скоростью (30), частичной ситуации (31).

- (29) *vil jurla-kala-r-ě*
 он петь-KALA-PFV-3:SG
 ‘Он поел немного (= некоторое непродолжительное время)’.

- (30) *maša koftă-na šix-kele-r-ě*
 М. кофта-DA вязать-KALA-PFV-3:SG
 ‘Маша потихоньку (= медленно) вязала кофту’.
- (31) *jivaši šan-kala-r-ě*
 дерево увядать-KALA-PFV-3:SG
 ‘Дерево немного (= частично) усохло’.

С.Г. Татевосов предлагает для *-kala* значение, похожее на анализ маврикийской Аттенуативной деривации: степень реализации ситуации по шкале F ниже, чем стандарт на этой шкале. Эта шкала F задается контекстом из следующего списка возможностей: шкала континуальности (т.е. насколько ситуация непрерывиста), шкала длительности ситуации, шкала скорости и шкала затронутости объекта. Однако остается не ясным, почему в списке возможных шкал именно те шкалы, которые перечисляет С.Г. Татевосов, и какой механизм стоит за тем, какую шкалу выбирает контекст.

Интересно, что в корпусе Лаборатории чувашского языка² встречаются примеры употребления *-kala* со значением малой степени состояния (32) и раритива (33), подобные употреблению маврикийской Аттенуативной редупликации:

- (32) *Музыка-на аста пёле-т-ёр-им*
 музыка-DA мастер знать-NPST-2SG-Q
эсир? — Пёл-келе-т-ён.
 вы — знать-KALA-NPST-1SG
 ‘А вы знаток в музыке? — **Так себе знаток**’.
 [Сандров Н.А. Мён тумалла? (1957), перевод В.Л. Садая по корпусу Лаборатории чувашского языка]
- (33) *Ял-а таван-сем патне*
 село-DA родным-PL К
кил-келе-т-ён.
 приходить-KALA-PRES-1SG
 ‘**Иногда приезжаю** в деревню к родным’. [Мария Петрова, Сурашн хёр (2019) по корпусу Лаборатории чувашского языка]

Показатель *-kala*, широко представленный в тюркских языках, по всей видимости, представляет собой сочетание двух показателей множественности³ [14, с. 439]. Например, в [15, с. 55] Л.С. Левитская приводит разложение аналогичного показателя в азербайджанском [16, с. 349 и сл.] на “два элемента с участвующим значением” *-ka* и *-la*. В [14, с. 439] этот показатель также раскладывается на *-ya* и *-la*.

2.4. Горномарийский Фреквентатив

В горномарийском есть схожая деривация Фреквентатива, которая имеет значение

² <https://ru.corpus.chv.su/>

³ Мы благодарим А.В. Савельева за помощь в поиске литературы и консультацию по исторической грамматике чувашского языка.

множественной ситуации с малой степенью интенсивности [17]; [18].

Фреквентатив представляет собой несколько суффиксов: *-əʎ*, *-ed* и *-əʃt* — и различные их комбинации. С.К. Михайлов приводит два соображения, почему эти суффиксы следует считать одним показателем. Во-первых, они распределены морфологически, хотя и не совсем строго (за подробностями отсылаем к приведенным выше работам). Во-вторых, эти показатели имеют одну и ту же семантику и часто взаимозаменяемы.

Горномарийский Фреквентатив может иметь интерпретации, типичные для глагольной множественности: альтернатива — разнонаправленной ситуации (34), дисконтинуатива — прерывистой ситуации (35) и дистрибутива — ситуации, распределенной на несколько актантов (36):

- (34) *kek* *čongeʃt-əʎ-eʃ*
птица лететь-FREQ-NPST.3SG
'Птица туда-обратно летает / кружит (у меня над головой)'.

- (35) *levaʃ gəc jəʔd vaʃt pat'k-edəʎ-l-əʃn*
крыша из ночь насквозь капать-FREQ-PRF[3SG]
'С крыши всю ночь **покапливало** (покапает, перестанет)'.

- (36) *pi ta=ma-vlə-m üpʃənz-əʃt-eʃ*
собака INDEF=что-PL-ACC нюхать-FREQ-NPST.3SG
С пренебрежительной интонацией: 'Собака что-то **понюхивает то тут, то там**'.

Довольно часто Фреквентатив имеет значения, которые Михайлов условно называет "плохими импликатурами": пониженной интенсивности (37), отрицательного отношения говорящего (38), несерьезного отношения к делу (39). Это похоже на употребления малой степени состояния, как в показателях, о которых мы говорили выше.

- (37) *t'et'ä kačk-edəʎ-l-eʃ*
ребёнок есть-FREQ-NPST.3SG
'Ребёнок **плохо ест** (потому что нет аппетита)'.

- (38) *maʃa ir=ok godʃen*
М. утро=EMPH с
səʎəʎ-klan-əʎ-l-eʃ
грустить-FREQ-NPST.3SG

С пренебрежительной интонацией: 'Маша с самого утра **грустит**'.

- (39) *pi krolük-vlä-m (xuda-n)*
собака кролик-PL-ACC плохой-ADV
kəččäl-əʃt-eʃ
искать-FREQ-NPST.3SG
'{На охоте:} Собака **плохо ищет** кроликов (**так-сяк, играючи**)'.

От обычных импликатур такие значения отличается то, что они не отменяемы:

- (40) *#kəce jaʒo-n act'or-vlä*
как хороший-ADV актёр-PL
pop-edəʎ-l-əʃt
говорить-FREQ-NPST-3PL
Ожид.: 'Как прекрасно актёры (время от времени) говорят!'

Михайлов объясняет такую грамматикализацию при помощи механизма ребрендинга по [19].

Ребрендинг — это семантический сдвиг, заключающийся в закреплении некоторой имплицатуры. Например, ребрендингом Е.В. Рахилина и коллеги объясняют переход от значения 'не болеющий' к значению 'большой' у прилагательного *здоровый*. Так произошло потому, что если мы говорим о ком-то, что он *здоровый* (например, *здоровый мужик*), то скорее всего его тело крупное, мощное. Это следствие закрепилось, и слово *здоровый* стало употребляться в значении 'крупный' с неодушевленными существительными (например, *здоровый кусок мяса*), тем самым расширив свою сочетаемость.

Рассмотрим, как Михайлов выводит малую интенсивность из прерывистости на примере (35), повторенном ниже как (41). Если ситуация капания происходит с перерывами, то и воды накапает меньше, чем для обычной ситуации капания. Обобщая, если ситуация S происходит с перерывами, то внешние признаки ее выполнения будут слабо выражены. А если внешние признаки ситуации слабо выражены, то, вероятно, и интенсивность или результативность ситуации ниже, чем нормальная. Так из значения дисконтинуатива развивается значение аттенуатива.

- (41) *levaʃ gəc jəʔd vaʃt*
крыша из ночь насквозь
pat'k-edəʎ-l-əʃn
капать-FREQ-PRF[3SG]
'С крыши всю ночь **покапливало** (покапает, перестанет)'.

Закрепление аттенуативного значения можно наблюдать в (42). В этом примере уже нет значения прерывистости, а только значение малой интенсивности.

- (42) *izi ängər jog-edəʎ-l-eʃ*
маленький река литься-FREQ-NPST.3SG
'Маленькая речка (**слегка**) **течёт**'. (потому что немного воды)

В итоге Михайлов выводит следующее общее значение для Фреквентатива, схожее с тем, которое мы видели для маврикийских и чувашских дисконтинуативов: на шкале контекстно заданного параметра ситуации, обозначенной фреквентативным глаголом, верна более низкая

альтернатива и неверны все более высокие. Результирующий глагол неопределен.

Исторически эти показатели — показатели глагольной множественности. Показатель *-ed* И.С. Галкин возводит к уральским многократным суффиксам и приводит домарийскую реконструкцию как **-nte u *-ta* [20, с. 88–90] (ср. также хантыйское *kolant-* ‘слушать’ < *kol-* ‘слышать’, мокшанское *niləndə-* ‘поглощать, пить’ < *nilə-* ‘глотнуть’, венгерское *bököd-* ‘колоть’ < *bök* ‘уколоть’ и др. [21, с. 277–278]).

Показатель *-əʃ* также возводим к уральскому многократному *-*l* [20, с. 90–92] (ср. финское *kysele-* ‘расспрашивать’ < *kysy-* ‘спросить’, зырянское *kutal-* ‘ловить, захватывать’ < *kut-* ‘держат’, венгерское *döföl* ‘колоть несколько раз’ < *döf* ‘колоть’ и др. [21, с. 275–277]). И.С. Галкин также приводит несколько примеров, где *-əʃ* образует “однократно-моментальные глаголы”, однако большинство глаголов с *-əʃ* все же имеют значение многократности, и мы предполагаем, что именно многократный *-əʃ* был продуктивным и послужил материалом для горномарийского Фреквентатива.

Ситуация с показателем *-əʃt*, впрочем, более сложная. Как пишет И.С. Галкин, большинство глаголов с этим суффиксом образует “многократно-длительные” глаголы [20, с. 95–99]. Однако единственные когнаты, которые удается найти, — это показатели с “моментальным” значением в прибалтийско-финских, саамском и пермских языках: финское *haukahtaa* ‘тявнуть’ < *haukkua* ‘лаять’, удмуртское *кыныштыны* ‘мигнуть, моргнуть’ < *кыныны* ‘зажмуриться, закрыть глаза, прищурить глаза’. Исследователь рассматривает гипотезы по слиянию показателей *-*ks* и *-*t* (Галкин не указывает, что это за показатели, но, по всей видимости, это показатели транслатива и каузатива) и “многократных” *-*s’e u -ta*, но отвергает их потому, что глаголы с показателем *-əʃt* относятся к I морфологическому спряжению, а понудительные глаголы на *-m (-d)* почти все II морфологического спряжения. Поэтому автор приходит к выводу, что вопрос происхождения *-əʃt* остается нерешенным.

2.5. Выводы

Итак, мы рассмотрели показатели дисконтиуатива. Как правило, они сочетаются со всеми типами ситуаций: с процессами и состояниями стадийного уровня, событиями и даже состояниями индивидуального уровня. Как мы показали, такие показатели происходят из показателей глагольной множественности. Такой показатель

развивает значение дисконтиуатива и дисперсива: ведь если говорящий использовал форму с глагольной множественностью, значит, ситуация, описываемая таким глаголом, выделяется на фоне нормальной. Если ситуация распределена во времени и пространстве, значит, она имеет меньшую интенсивность, нежели такая, которая была бы сосредоточена в одной точке времени и пространства. Затем закрепляется имплицатура о малой интенсивности ситуации, и деривация начинает иметь собственно аттенуативные значения.

3. Глагольные диминутивы

Рассмотрим теперь показатели ослабленной ситуации другой природы.

3.1. Итальянский глагольный диминутив

В итальянском языке есть семейство дериваций с суффиксами *-a/e/i/u/acchi(are)*, *-a/e/u/uzz(are)*, *-in(are)*, *-ett(are)* и др. [22]; [23]; [24] (примеры из [23]):

- (43) *tossicchiare* ‘покашливать’ < *tagliare* ‘резать’
 (44) *tagliuzzare* ‘резать на мелкие кусочки’ < *tossire* ‘резать’

Л. Товена определяет значение деривации как ситуацию, проистекающую неканоничным способом: в (45б) чтение происходит с меньшим вниманием, чем в нормальной ситуации чтения, а из утверждения (45б) не следует кульминация ситуации, как из (45а).

- (45) а. *Ha* *letto*
 иметь.AUX.3SG читать.PST.PTCP.M.SG
il *libro.*
 DEF.ART.M.SG книга.M.SG
 ‘Он(а) прочитал(а) книгу’.
- б. *Ha* *leggi-ucchi-ato*
 иметь.AUX.3SG читать-EVAL-PST.PTCP.M.SG
il *libro.*
 DEF.ART.SG книга.M.SG
 ‘Он(а) бегло просмотрел(а) книгу’.

Из примеров выше видно, что итальянские глагольные диминутивы имеют значение как аттенуатива (45б), так и дисперсива/дисконтиуатива (43)–(44).

Л. Товена утверждает, что итальянские глагольные диминутивы представляют собой глаголы внутрисобытийной множественности. Она иллюстрирует свой тезис примером (46). Здесь *due volte* ‘два раза’ может указывать только, что произошло две серии, состоящие из нескольких погрызаний, но не два мелких погрызания,

как было бы, если бы это была внешнесобытийная множественность.

(46) *Daniele ha mordicchiato la matita due volte.*

‘Даниэль дважды погрыз карандаш (=произвел две серии мелких погрызываний)’

Л. Товена [23] предлагает довольно сложный анализ, который сводится к тому, что диминутив в глаголах каким-то образом “раздробляет” ситуацию, чтобы получить “ослабленные” под-ситуации. Впрочем, как Товена сама отмечает, именн-ные диминутивы не дают такого эффекта множественности: итальянское *filuzzo* ‘ниточка’ обозначает только одну тонкую нитку, но не одно множество тонких ниток. Поэтому кажется сомнительным, что множественность вводится именно диминутивом, а не, например, лексической семантикой глагола.

По данным [22], глагольные диминутивы предпочитают видо-временную форму Имперфекта, в которых чаще встречаются неопределенные ситуации, формам Перфекта, в которой чаще встречаются предельные ситуации. Более того, итальянский глагольный диминутив сочетается с только с процессами (вендлеровские *activities* и *accomplishments*), но не с состояниями и не с событиями (вендлеровские *states* и *achievements*) [22]; [24, с. 111]. Это отличает эту деривацию от рассмотренных до этого, которые с состояниями и событиями сочетаются.

Более того, такие деривации не употребляются предельно [23]:

- (47) а. *Luisa ha*
Л. иметь.AUX.3SG
leggi-ucchi-at-o
читать-EVAL-PST.PTCP-M.SG
il libr-o per
DEF.ART.SG книга-M.SG DUR INDF.
un'-or-a /
ART.F.SG-час-F.SG /
?? in un'-or-a.
в INDF.ART.F.SG-час-F.SG
‘Луиза **попросматривала** книгу час / ?? за час’.
- б. *Luisa ha lett-o*
Л. иметь.AUX.3SG читать-PST.PTCP.M.SG
il libr-o
DEF.ART.M.SG книга-M.SG
**per un'-or-a* / *in*
DUR INDF.ART.F.SG-час-F.SG / в
un'-or-a.
INDF.ART.F.SG-час-F.SG
‘Луиза прочитала книгу * час / за час’.

3.2. Немецкий глагольный диминутив

В немецком есть схожая деривация на *-el* (*-erl* в австрийском немецком) [25] (см. также [26]; [27]). Здесь также можно выделить значения аттенуатива (48), дисперсива (49) и пейоратива (50).

(48) *koch-en* ‘кипеть’ > *köch-el-n* ‘почти кипеть, греться на малом огне’ (аналогично английскому *simmer*)

(49) *dräng-en* ‘напирать, теснить’ > *dräng-el-n* ‘толкаться, подталкивать’

(50) *schreib-en* ‘писать’ > *schreib-erl-n* ‘писать плохо’ (австрийский немецкий)

Такие глаголы ведут себя похоже на упомянутые выше итальянские деривации и так же не употребляются предельно:

- (51) *Die Cora hat eine*
DEF K. имеет INDEF
Stunde lang /
час в_течение
(**in einer Stunde*) *ge-schreib-erl-t.*
в INDEF час PTCP-писать-DIM-PTCP
‘Кора пописывала [что-то] час / *за час’.

Интересно, что глаголы, имеющие каузативную интерпретацию, теряют ее после присоединения *-el*:

- (52) а. *Das Wasser koch-t* /
DEF вода кипеть-3SG.PRES
köch-el-t.
кипеть-DIM-3SG.PRES
‘Вода кипит / почти кипит (т. е. греется на малом огне, ‘*simmer*’).
- б. *Die Cora koch-t*
DEF K. кипеть-3SG.PRES
(**das Wasser* /
(DEF) вода
**köch-el-t* (das) *Wasser.*
кипеть-DIM-3SG.PRES (DEF) вода
‘Кора кипятит воду / *нагревает воду, не доводя до кипения’.

Л. Товена также высказывает подобную идею об итальянских глагольных диминутивах, что деривации пониженной интенсивности сопровождаются опущением внутреннего аргумента, а деривации повышенной интенсивности и повышающие актантные деривации нередко (как, например, в арабском).

При этом немецкие глаголы на *-el* (*-erl*) образуются и от прилагательных, и от существительных:

- (53) *schwach* ‘слабый’ > *schwäch-el-n* ‘давать слабину’
(54) *Stück* ‘часть’ > *stück-el-n* ‘делить на части’

Л. Грештенбергер и Д. Каллулли предполагают, что глагольные диминутивы, образованные от глаголов, все равно имеют именной диминутив *-el*, который имеет именной внешний синтаксис, даже если такой именной дериват не встречается сам по себе без глагольной морфологии. Затем к такой именной составляющей присоединяется вербализатор (так называемое *v* малое), который образует неэргативные ($\approx$ агентивные непереходные) глаголы процесса. Другими словами, согласно теории Грештенбергер и Каллулли, такие глагольные диминутивы ведут себя как отыменные глаголы, чем и объясняется то, что они обозначают непереходные процессы.

3.3. Французский глагольный диминутив

Во французском языке есть семейство дериваций: *-ot(er)*, *-Vill(er)*, *-on(ner)*, *-Vch(er)*, *-ass(er)* [2]. Такие деривации имеют значения аттенуатива (55) и пейоратива (56), а также итератива: дисконтинуатив (57) и дисперсив (58):

(55) *Est-ce qu'il neige toujours? <...> il neigeote* (< *neiger* 'идти о снеге'), *chère madame! <...> Quelques vagues flocons dans l'air!*

'Снег все еще идет? <...> Снег еле идет, мадам! <...> Несколько снежинок будет и все!' Дисконтинуатив, дисперсив

(56) *Il chroniquaille* (< *chroniquer* 'писать хроники') *dans une feuille de boulevard*.

'Он иногда пописывает сомнительного качества хроники в местную газетенку'

(57) *Ses doigts étaient couronnés d'un bourrelet d'envies enflammées qu'il mordillait* (< *mordre* 'кусать') *par intervalles et arrachait du bout des dents*.

'На его пальцах было множество воспаленных заусенцев, которые он покусывал периодически и отрывал зубами'

(58) *Elle [la chienne] couraillait* (< *courir* 'бегать') *dans tous les sens*.

'Она [собака] бегала туда-сюда'.

Авторы также выделяют интерпретации недостижения цели ("конатива"), отсутствия цели ("инкассатива") и отсутствия необходимых усилий ("тентатива"). Впрочем, эти интерпретации, как нам видится, являются прагматическими следствиями из значения ослабленной ситуации: ведь если ваша ситуация имеет интенсивность ниже нормальной, то скорее всего своего предела она не достигает. Поэтому, по нашему мнению, нет смысла выделять их отдельно, учитывая, что, как пишут Д. Амьё и Д. Стосич, эти прагматические следствия могут сочетаться параллельно со значениями типа аттенуатива и дисконтинуатива.

Согласно проведенному корпусному исследованию Д. Амьё и Д. Стосича, большая часть глаголов, от которых образованы французские глагольные диминутивы (163 из 171), обозначают неопредельные ситуации: вендлеровские деятельности и состояния. Дериваты также, как правило, обозначают неопредельные ситуации. Среди 171 дериватов только 49 переходные, 15 глаголов имеют как непереходные, так и переходные употребления, а большинство глаголов (67%) непереходные, что похоже на то, о чем мы говорили касательно итальянских и немецких глагольных диминутивов выше, образование которых часто сопровождается опущением внутреннего аргумента.

3.4. Хорватский глагольный диминутив

В хорватском есть схожая деривация с суффиксами *-ak*, *-uck*, *-k*, *-kar* [28]. Д. Катунар выделяет три схожих подтипа: пониженную интенсивность (59), пейоративы (60) и дисперсивы (61).

(59) *lupkati* 'постукивать' < *lupati* 'стучать'

(60) *piskarati* 'писать плохо' < *pisati* 'писать'

(61) *trčkarati* 'бегать без цели, там и сям' < *trčati* 'бежать'

Чтобы объяснить наблюдаемую полисемию, Катунар предлагает радиальную категорию (о радиальных категориях см. [29]). Изначально диминутив обозначает малый размер чего-либо. Затем благодаря метафоре БОЛЬШЕ — ЭТО ВЫШЕ (ПО КАКОЙ-ТО ШКАЛЕ) это значение распространяется на поле физической интенсивности, как в глаголе *bockati* 'потыкивать' < *bosti* 'прокалывать, тыкать'. Затем малая интенсивность реинтерпретируется как дисперсия пространственная, как в *trčkarati* 'бегать без цели, там и сям' < *trčati* 'бежать', и, метафорически, как дисперсия внимания, как в *čituckati* 'читать невнимательно' < *čitati* 'читать'. Более того, малая интенсивность реинтерпретируется как отсутствие цели. Физическая интенсивность обобщается до интенсивности вообще и затем благодаря метафоре ЛУЧШЕ — ЭТО ВЫШЕ (ПО КАКОЙ-ТО ШКАЛЕ) развивается в значение пейоратива.

3.5. Диахрония глагольных диминутивов

У описанных выше показателей похожая диахроническая история: они происходят из показателей диминутива. Как замечают Л. Грештенбергер и Д. Каллулли, тот же суффикс, что участвует в образовании глагольных диминутивов, участвует и в образовании диминутивных существительных [25]; [30]:

- (62) а. *köch-el-n* ‘почти кипеть’ < *koch-en* ‘кипеть’
б. *Büsch-el* ‘куст, пучок’ < *Busch* ‘куст’

Это же замечают и Л. Товена и Н. Гранди для итальянских диминутивов (примеры из [23]):

- (63) а. *mangiu-cchi-are* ‘покусывать, есть нехотя’
< *mangi-are* ‘есть, кушать’
б. *govern-icchi-o* ‘так себе правительство’ <
govern-o ‘правительство’
(64) а. *tagli-uzz-are* ‘нарезать на многие маленькие
кусочки’ < *tagli-are* ‘разрезать’
б. *fil-uzz-o* ‘ниточка’ < *fil-o* ‘нить’

Для французских показателей глагольного диминутива также можно найти соответствия в именных диминутивах, либо диахронически, либо синхронно (примеры диминутивных глаголов из [2]):

- (65) а. *chroniqu-aill-er* ‘пописывать плохие хроники’
< *chroniqu-er* ‘писать хроники’
б. латинское *lib-ell-us* ‘маленький пакет, книжечка’ < *liber* ‘пакет, книга’, *pug-ill-us* ‘горсть (чего-либо)’ < *pugnus* ‘кулак’ [31, с. 59]
(66) а. *neige-ot-er* ‘слегка идти (о снеге)’ < *neiger* ‘идти (о снеге)’
б. *Pierr-ot* ‘Петя’ < *Pierre* ‘Петр’
(67) а. *mâchonner* ‘пожевывать’ < *mâcher* ‘жевать’
б. *chaton* ‘котенок’ < *chat* ‘кот’
(68) а. *bavardocher* ‘лепетать’ < *bavarder* ‘болтать’
б. *cinoche* ‘киношка’ < *cinéma* ‘кинотеатр’

Один из французских глагольных диминутивов произошел от пейоративов (оба примера из [2]):

- (69) а. *écrivasser* ‘писать скверно’ < *écrire* ‘писать’
б. *barcasse* ‘посудина, плохая лодка’ < *barque* ‘лодка’

Для хорватских показателей мы также можем найти соответствия в именной морфологии:

- (70) а. *lup-k-ati* ‘ударять слегка’ < *lupati* ‘ударять’ [28]
б. *smieš-k-a* ‘улыбка’ < *smijeh* ‘смех’ [32, с. 343]
(71) а. *čit-uc-k-ati* ‘пролистывать’ < *čitati* ‘читать’ [28]
б. *seo-c-e* ‘деревенька’ < *selo* ‘деревня’ [32, с. 344]

Суффикс *-kar* (72a), как нам видится, состоит из двух суффиксов: диминутивного *-k* и суффикса имени деятеля *-ar* (ср. (72б)). После чего к такому “имени” добавляется глагольная морфология. Такое словообразование семантически похоже на глаголы типа *полуночничать* < *полуночник* < *полночь*. По похожей модели образован, например, глагол *либеральничать*, но уже напрямую от слова *либерал*: именной пары **либеральник* у него нет.

- (72) а. *pis-k-ar-ati* ‘писать плохо’ < *pisati* ‘писать’ [28]
б. *ovč-ar* ‘овчар’ < *ovca* ‘овца’ [32, с. 343]

Значение диминутива в том, что ситуация в чем-то **меньше** нормальной. Но если ситуация — это событие, то эта ситуация уже точечна и ее нельзя сделать меньше: она уже представляет минимально возможную ситуацию — точку. Поэтому глагольные диминутивы и не образуются от событий.

Глагольные диминутивы часто обозначают множественную ситуацию, как замечают авторы. При этом неясно, откуда появляется эта множественность.

Нам видится две причины такой множественной интерпретации. Во-первых, такая глагольная множественность может вводиться лексической семантикой самого глагола, как в примерах типа немецкого *drängeln* ‘толкаться’ от *drängen* ‘толкать’.

Во-вторых, такая множественность может объясняться тем, что “ослабленность” ситуации заключается в ее меньшей интенсивности, а меньшая интенсивность часто заключается в более **редком** повторении подsituаций. Возьмем пример немецкого *nerveln* ‘немного раздражать, вести себя раздражающе’ от *nerven* ‘раздражать’: раздражать в меньшей степени, чем обычно, часто обозначает, что ситуации раздражения происходят реже, чем в нормальном случае, поэтому и возникает множественная интерпретация.

Такая множественная интерпретация возникает не всегда. Возьмем, например, немецкое *köcheln* ‘почти кипеть, греться на малом огне’ от *kochen* ‘кипеть’. Здесь диминутив обозначает, что ситуация кипения по шкале температуры происходит ниже, чем в нормальной. При этом интерпретации множественности не возникает, потому что чтобы уменьшить температуру воды нужно нагревать ее на меньшем огне, а не нагревать ее более спорадическими, редкими нагреваниями.

4. Заключение

Итак, мы рассмотрели два типа дериваций со значением ослабленной ситуации.

Первый тип — это дисконтинуативы, которые развиваются из показателей глагольной множественности. Мы предлагаем следующий путь развития. Сначала из глагольной множественности развивается значение множественной ситуации с перерывами — дисконтинуатива. Затем из дисконтинуатива развивается значение пониженной интенсивности: ведь если ситуация происходит с перерывами, то скорее всего она меньшей интенсивности, чем нормальная. И затем из значения пониженной интенсивности естественно вытекает значение частичности ситуации и малой

скорости. Как мы видели, такие показатели сочетаются со всеми аспектуальными типами: как с процессами, так и с событиями и даже состояниями индивидного уровня.

Второй тип — это глагольные диминутивы, которые развиваются из показателей именного диминутива. Диминутив, присоединяясь к глаголу, имеет значение меньшей степени ситуации — аттенуатива. Множественная интерпретация может появляться по двум причинам: либо исходная ситуация имеет множественную интерпретацию, либо как прагматический эффект меньшей интенсивности ситуации. Такие глаголы, как правило, образуются только от процессов и состояний, но не событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Henri F., Winterstein G.* Morpho-Semantics of Verbal Reduplication: the case of Mauritian. Presented at 17th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar (HPSG). Université Paris Diderot, Paris 7, France. 2010.
2. *Amiot D., Stosic D.* When evaluative morphology, pluractionality and aspect get tangled up: a case study of French suffixed verbs // Gavrilidou Z., Revithiadou A. (eds.) *Mélanges offerts à Anna Anastassiades-Syméonides à l'occasion de sa retraite*. Kavala: Saita Publishers, 2014. P. 16–33.
3. *Audring J., Leufkens S., van Lier E.* Small events. Verbal diminutives in the languages of the world // *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2021. Vol. 1, № 1. P. 223–256.
4. *Makarchuk I.V.* Typology of verbal attenuative. Master thesis. Moscow: HSE, 2020.
5. *Moravcsik E.A.* Reduplicative constructions // Greenberg J.H. (ed.) *Universals of Human Language*. Stanford: Stanford University Press, 1978. Vol. 3: Word Structure. P. 297–334.
6. *Christaller J.G.* A grammar of the Asante and Fante language called Tshi (Chwee, Twi). Basel: Gregg Press Inc., 1875.
7. *Robins R.H.* Nominal and verbal derivation in Sudanese // *Lingua*. 1959. № 8. P. 337–369.
8. *Kouwenberg S., LaCharité D.* Less is more: Evidence from diminutive reduplication in Caribbean creole languages // Hurch B. (ed.) *Studies on Reduplication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005. P. 533–545.
9. *Kiyomi S.* A new approach to reduplication: a semantic study of noun and verb reduplication in the Malayo-Polynesian languages // *Linguistics*. 1995. Vol. 33, № 6. P. 1145–1167.
10. *Henri F., Winterstein G.* Morpho-Semantics of verbal reduplication: The case of Mauritian. 2014.
11. *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке // *Семантические типы предикатов*. М., 1982. С. 7–85.
12. *Падучева Е.В.* Накопитель эффекта и русская аспектология // *Вопросы языкознания*. 2004. № 5. С. 46–57.
13. *Tatevosov S.G.* Plural vs Discontinuous Events: Degree Modification in Chuvash // Kelepir M., Öztürk B. (eds.) *Proceedings of WAFL 2: Workshop on Altaic Formal Linguistics*. Cambridge: MITWPL, 2006. P. 347–364.
14. *Тенишев Э.Р.* (отв. ред.) Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988.
15. *Левитская Л.С.* Историческая морфология чувашского языка. М.: Наука, 1976.
16. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке: Опыт сравнительного исследования. М., 1962.
17. *Михайлов С.К.* Горномарийский фреквентатив в типологической перспективе. Курсовая работа. М., НИУ ВШЭ, 2018.
18. *Mikhailov S.K.* Hill Mari Frequentative: Event-internal Pluractionality on the Verge of Evaluation. Presented at 4th workshop on Volga-Kama languages: programme. Higher School of Economics, Moscow, 2018.
19. *Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Карнова О.С.* Семантические переходы в атрибутивных конструкциях: метафора, метонимия, ребрендинг // Рахилина Е.В., Резникова Т.И. (ред.) *Лингвистика конструкций*. М.: Азбуковник, 2010. С. 396–453.
20. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1966. Т. 2.
21. *Collinder B.* Comparative Grammar of the Uralic Languages. Uppsalla: Almqvist&Wiksell, 1960.
22. *Grandi N.* Word-formation and lexical aspect: deverbal verbs in Italian // Müller P.O., Ohnheiser I., Olsen S., Rainer F. (eds.) *Word-Formation*. Berlin / Boston: De Gruyter, 2015. Vol. 2. P. 1467–1482.
23. *Tovena L.M.* When Small Is Many in the Event Domain // *Lexis*. 2011. № 6.
24. *Tovena L.M.* Evaluative Morphology and Aspect / Actionality // Grandi N., Körtvélyessy L. (eds.) *Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015. P. 108–120.
25. *Grestenberger L., Kallulli D.* The largesse of diminutives: suppressing the projection of roots // Baird M., Pesetsky J. (eds.) *Proceedings of NELS 49*. Amherst: GLSA, 2019. Vol. 2. P. 61–74.
26. *Audring J., Booij G., Jackendoff R.* Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and

- lexicon // *Linguistics in the Netherlands*. 2017. Vol. 34. № 1. P. 1–15.
27. Weidhaas T., Schmid H.-J. Diminutive verbs in German: semantic analysis and theoretical implications // *Morphology*. 2015. Vol. 25, № 2. P. 183–227.
 28. Katunar D. Diminutives in Action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian // *Suvremena lingvistika*. 2013. Vol. 39, № 75.
 29. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago: University of Chicago Press, 1987.
 30. Grestenberger L., Kallulli D. Cross-categorical syncretism: evidence from diminutives. Brussels, 2019.
 31. Brucale L., Mocciaro E. Suffissi valutativi in Plauto: una proposta cognitivista e morfo-pragmatica // *Lingue antiche e moderne*. 2020. Vol. 9. P. 57–86.
 32. Ronelle A. *Bosnian, Croatian, Serbian, a Grammar with Sociolinguistic Commentary*. Madison: The University of Wisconsin Press, 2006.
 - the Malayo-Polynesian languages. *Linguistics*. 1995. Vol. 33, No. 6, pp. 1145–1167.
 10. Henri, F., Winterstein, G. Morpho-Semantics of verbal reduplication: The case of Mauritian. 2014.
 11. Bulygina, T.V. *K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke* [To the Construction of the Typology of Predicates in the Russian Language]. *Semanticheskie tipy predikatov* [Semantic Types of Predicates]. Moscow, 1982, pp. 7–85. (In Russ.)
 12. Paducheva, E.V. *Nakopitel efekta i russkaya aspektologiya* [The Accumulator of Effect and Russian Aspectology]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language]. 2004, No. 5, pp. 46–57. (In Russ.)
 13. Tatevosov, S.G. Plural vs. Discontinuous Events: Degree Modification in Chuvash. Kelepir M., Öztürk B. (eds.) *Proceedings of WAFL 2: Workshop on Altaic Formal Linguistics*. Cambridge, MITWPL, 2006, pp. 347–364.
 14. Tenishev, E.R. (ed.) *Sravnitel'naya-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [Comparative-Historical Grammar of the Turkic Languages. Morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
 15. Levitskaya, L.S. *Istoricheskaya morfologiya chuvashskogo yazyka* [Historical Morphology of the Chuvash Language]. Moscow, Nauka Publ., 1976. (In Russ.)
 16. Sevortyan, E.V. *Affiksy glagoloobrazovaniya v azerbajdzhanskom yazyke: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Affixes of Verb Formation in the Azerbaijani Language: The Experience of Comparative Research]. Moscow, 1962. (In Russ.)
 17. Mikhaylov, S.K. *Gornomarijskij frekventativ v tipologicheskoy perspektive. Kursovaya rabota* [The Mountain-Mari Freckative in a Typological Perspective. Course Paper]. Moscow, HSE Publ., 2018. (In Russ.)
 18. Mikhailov, S.K. Hill Mari Frequentative: Event-internal Pluractionality on the Verge of Evaluation. Presented at 4th workshop on Volga-Kama languages: programme. Higher School of Economics, Moscow, 2018.
 19. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I., Karpova, O.S. *Semanticheskie perekhody v atributivnykh konstrukciyakh: metafora, metonimiya, rebrending* [Semantic Transitions in Attributive Constructions: Metaphor, Metonymy, Rebranding]. Rakhilina, E.V., Reznikova, T.I. (eds.) *Lingvistika konstrukcij* [Linguistics of Constructions]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010, pp. 396–453. (In Russ.)
 20. Galkin, I.S. *Istoricheskaya grammatika marijskogo yazyka* [Historical Grammar of the Mari Language]. Joshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatelstvo Publ., 1966. Vol. 2. (In Russ.)
 21. Collinder, B. *Comparative Grammar of the Uralic Languages*. Uppsalla, Almqvist&Wiksell, 1960.
 22. Grandi, N. Word-formation and lexical aspect: deverbal verbs in Italian. Müller, P.O., Ohnheiser, I.,

REFERENCES

1. Henri, F., Winterstein, G. Morpho-Semantics of Verbal Reduplication: the case of Mauritian. Presented at 17th International Conference on Head-Driven Phrase Structure Grammar (HPSG). Université Paris Diderot, Paris 7, France. 2010.
2. Amiot, D., Stosic, D. When evaluative morphology, pluractionality and aspect get tangled up: a case study of French suffixed verbs. Gavriilidou, Z., Revithiadou, A. (eds.) *Mélanges offerts à Anna Anastasiades-Syméonides à l'occasion de sa retraite*. Kavala, Saita Publishers, 2014, pp. 16–33.
3. Audring, J., Leufkens, S., van Lier, E. Small events. Verbal diminutives in the languages of the world. *Linguistic Typology at the Crossroads*. 2021, Vol. 1, No. 1, pp. 223–256.
4. Makarchuk, I.V. Typology of verbal attenuative. Master thesis. Moscow, HSE, 2020.
5. Moravcsik, E.A. Reduplicative constructions. Greenberg J.H. (ed.) *Universals of Human Language*. Stanford, Stanford University Press, 1978. Vol. 3: Word Structure, pp. 297–334.
6. Christaller, J.G. *A grammar of the Asante and Fante language called Tshi (Chwee, Twi)*. Basel, Gregg Press Inc., 1875.
7. Robins, R.H. Nominal and verbal derivation in Sudanese. *Lingua*. 1959, No. 8, pp. 337–369.
8. Kouwenberg, S., LaCharité, D. Less is more: Evidence from diminutive reduplication in Caribbean creole languages. Hurch B. (ed.) *Studies on Reduplication*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2005, pp. 533–545.
9. Kiyomi, S. A new approach to reduplication: a semantic study of noun and verb reduplication in

- Olsen, S., Rainer, F. (eds.) Word-Formation. Berli, Boston, De Gruyter, 2015, Vol. 2, pp. 1467–1482.
23. Tovená, L.M. When Small Is Many in the Event Domain. *Lexis*. 2011, No. 6.
24. Tovená, L.M. Evaluative Morphology and Aspect – Actionality. Grandi, N., Körtvélyessy, L. (eds.) Edinburgh Handbook of Evaluative Morphology. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2015, pp. 108–120.
25. Grestenberger, L., Kallulli, D. The largesse of diminutives: suppressing the projection of roots. Baird, M., Pesetsky, J. (eds.) Proceedings of NELS 49. Amherst, GLSA, 2019, Vol. 2, pp. 61–74.
26. Audring, J., Booij, G., Jackendoff, R. Menscheln, kibbelen, sparkle: Verbal diminutives between grammar and lexicon. *Linguistics in the Netherlands*. 2017, Vol. 34, No. 1, pp. 1–15.
27. Weidhaas, T., Schmid, H.-J. Diminutive verbs in German: semantic analysis and theoretical implications. *Morphology*. 2015, Vol. 25, No. 2, pp. 183–227.
28. Katunar, D. Diminutives in Action: A cognitive account of diminutive verbs and their suffixes in Croatian. *Suvremena lingvistika*. 2013, Vol. 39, No. 75.
29. Lakoff, G. Women, Fire and Dangerous Things. Chicago, University of Chicago Press, 1987.
30. Grestenberger, L., Kallulli, D. Cross-categorical syncretism: evidence from diminutives. Brussels, 2019.
31. Brucale, L., Mocciaro E. Suffissi valutativi in Plauto: una proposta cognitivista e morfo-pragmatica. *Lingue antiche e moderne*. 2020, Vol. 9, pp. 57–86.
32. Ronelle, A. Bosnian, Croatian, Serbian, a Grammar with Sociolinguistic Commentary. Madison, The University of Wisconsin Press, 2006.

Дата поступления материала в редакцию: 16 января 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 28 января 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 февраля 2023 г.
Дата публикации: 30 апреля 2023 г.

Received by Editor on January 16, 2023
Revised on January 28, 2023
Accepted on February 15, 2023
Date of publication: April 30, 2023